

Abstract

O. V. Artsebasheva. The Investigation of the Ukrainian Verb by P. O. Buzuk

The article is dedicated to the investigation of the historical verbal forms in the works by the Ukrainian scientist, P. O. Buzuk. The linguistic interpretation of the problem under analysis and the language situation of the given period have been considered in this paper. Special attention has been paid to the historical peculiarities of verbs and participles. The detailed information concerning the inflections of verbs and participles has been given. In his works P. O. Buzuk concentrates his attention on the classification of verbs taking into consideration their stems in the present tense. The researcher singles out five classes of verbs. He also makes emphasis on the differentiation between phonetic and morphological reasons for changes in verbal forms. P. O. Buzuk's morphological conception includes the formation and the development of participial forms in the Ukrainian language. Investigating the forms of participles the author comes to the conclusion that the existence of participles of present tense active voice ending in –чий is a characteristic feature of the modern Ukrainian language. Some weak points and perspectives of the research have been highlighted in the paper. The emphasis is on the results of the linguohistoriographical analysis of the verbal and participial forms. P. O. Buzuk's views on verbs may serve as the basis for further investigations.

Key words: verb, inflection, participle, inflection, linguohistoriographical aspect, present tense.

Н. В. Дьячок
(Горловка)

УДК 811.161.1=81'373.611

**К ВОПРОСУ О “НУЛЕВОЙ” АФФИКСАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Статья призвана осветить проблему так называемой “нулевой” аффиксации как лингвального явления. Но особый интерес, на наш взгляд, представляет исследование данного явления в рамках процесса универбации.

Существует целый ряд определений универбации как процесса и универба как результата этого процесса. Большинство из них считаются традиционными и относят указанные понятия исключительно к области словообразования.

Универбация – “образование слова на базе наименования, представляющего собой сочетание слов” [5, с. 74–75]: *неотложка – неотложная помощь, короткометражка – короткометражный фильм, молодежка – молодежная газета* и т.п. В этом значении используются и другие термины. Авторы монографии “Русская разговорная речь” относят подобные образования к явлениям семантического стяжения, или семантической конденсации, понимая под этим процессы, связанные с утратой семантической расчлененности комплексных наименований, состоящих из двух или более лексем [9, с. 408]: *вечёрка – вечерняя газета, подсобка – подсобное помещение* и т.п. В. Н. Немченко образование производных слов в результате эллипсиса производящего словосочетания с одновременной суффиксацией называет стяжением [7, с. 241]: *читалка – читальный зал* и т.п. Данное явление обязательно должно сопровождаться наличием в языке двух форм обозначения одной и той же – общей для них – семантики: расчлененной (аналитической) и нерасчлененной (синтетической).

А. В. Исаченко ввел в научный обиход под термином “универбация” понятие утраты формальной и семантической расчлененности наименования [3, с. 339]. Он обозначил данным термином следующие явления:

- 1) словосложение (*прямолинейный, водовоз*);
- 2) сращение (*накануне, долгоиграющий*);
- 3) эллиптический пропуск одного из элементов комплексного наименования:
- 4) а) эллипсис означаемого члена, то есть субстантивация (*рабочий, военный, передовая*);
б) эллипсис означающего члена (*газовая плита – плита, патефонная пластинка – пластинка*);
- 5) аффиксальную деривацию (*молотильная машина – молотилка, прогрессивная зарплата – прогрессивка*);
- 6) нулевую суффиксацию (*противогазовая маска – противогаз*);
- 7) различные типы сложносокращенных слов (*медработник, ПАЗ, НИИ, мопед*).

Н. А. Янко-Триницкая называет универбы (универбаты) словами с включением, определяя

включение как “расширение значения слова, которое осуществляется за счет семантики другого слова, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения” [15, с. 375].

Эту идею поддерживает и другие исследователи, считая, что “включаемым может быть как значение определяющего слова в словосочетании, так и значение определяемого” [13, с. 149].

Итак, все ученые, когда-либо занимавшиеся этой проблемой, едины в одном: перед нами явление деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения отнюдь не словообразовательные, например: *наружка* и *наружная охрана*, *незавершенка* и *незавершенное строительство*, *Ленинградка* и *Ленинградское шоссе* и т.п.

В связи с этим естественно желание найти единый терминологический эквивалент приведенному процессу и тем единицам, которые в результате этого процесса возникли. Вслед за В. И. Теркуловым нам представляется целесообразным рассматривать каждый такой дериват как универбализованный (вербализованный) эквивалент словосочетания, “то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию” [11, с. 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу эллиптической универбации. В целом же каждую конкретную исследуемую нами единицу мы определяем как номинатему типа “словосочетание + эллиптический универб”. Она входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является единицей, семантически тождественной словосочетанию, которая отождествляется на его уровне. Номинатема вообще – это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (глоссах, вариантах), причем в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, например *капитальный ремонт* и *капиталка*, *коммунальная квартира* и *коммуналка*, *дочь царя* и *царевна*, *настойка валерианы* и *валерьянка*.

Таким образом, под универбом нами понимается грамматически тождественное определенному словосочетанию слово, стилистически отличающееся от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами разговорности, сленговости, являющееся наряду с ним вариантом одной номинатемы.

Напомним, что из классификации А. В. Исаченко к универбации в новом значении можно отнести так называемую аффиксальную деривацию (типа *прогрессивная зарплата* – *прогрессивка*, *кожаная куртка* – *кожанка*, *брат в жены* – *жениться*) и нулевую деривацию (типа *противогазовая маска* – *противогаз*, *богатый человек* – *богач*), причем с замечанием относительно некорректности термина “нулевая деривация”. Данный термин сопряжен со столь же некорректными терминами “нулевая аффиксация” и “нулевой аффикс”.

Бесспорно то, считаем мы, что существительное *противогаз* соотнесено имитацией морфологической деривации со словосочетанием *противогазовая маска*. Этот способ реализации номинатемы с доминантой-словосочетанием является сходным с традиционным бессуффиксным способом морфологического словопроизводства (Н. М. Шанский, З. А. Потиха). Нулевая суффиксация неоднократно рассматривалась в теоретическом аспекте. Этого нельзя сказать, например, об историческом или ахроническом аспектах данной проблемы.

“Нулевые словообразовательные средства, способ нулевой суффиксации не были искони присущи системе славянского словообразования” [6, с. 38]. Слова указанного выше типа формировались “на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов *ĭ, ѓ, ѣ, а* (> *ь, ъ*)” [14, с. 286], именно поэтому подобные образования имели в своей структуре иногда приставочную, корневую, суффиксальную и флективную морфемы: *рокъ* (*rǫkǫs), *порокъ* (*rǫrǫkǫs), *урокъ* (*zurǫkǫs) и т.д. Вслед за Г. А. Николаевым мы полностью разделяем мнение А. В. Десницкой, считавшей, что многие из подобных образований “могут быть сравнительно нового происхождения. Но как тип, это словообразование имеет очень большую древность, соответствуя аналогичным построения древнегреческого и санскритского языков и уходя своими корнями в далекие эпохи выработки категории имени и глагола” [2, с. 14].

Термины, отражающие понятия нулевой аффиксации и нулевой морфемы, представляются не очень удачными не только в историческом, но и в синхронном теоретическом аспекте.

Нулевая морфема, или нулевой аффикс, – “отсутствие аффикса в какой-либо форме, противопоставляемое положительно выраженным аффиксом в других формах той же парадигмы” [8, с. 213].

Изначальное противоречие заложено в самом термине, в котором атрибут “нулевой” по своему исконному значению абсолютно синонимичен определению “отсутствующий”. Другими словами, термин “нулевой аффикс (морфема)” по семантике составляющих компонентов идентичен термину “отсутствующий аффикс (морфема)”. Однако в этом случае трудно определить, что же обозначает термин: материально не выраженную субстанцию или отсутствие всякой субстанции.

В. И. Теркулов считает также, что данное понятие противоречит самой природе знака. Как известно, знак – это “материально-идеальное образование..., репрезентирующее предмет, свойство, отношение к действительности” [4, с. 67]. “Это предполагает, что план выражения знака является элементом, субституирующим реальность, причем эта способность к субституции и есть сущность знака. Если же у знака нет плана выражения, то отсутствует и способность к субституции, а, следовательно – отсутствует и сам знак” [10, с. 353–354].

Однако ученые поддерживают мнение о том, что оправдать отсутствие плана выражения у знака можно за счет констатации того, что знак данного типа находится на периферии системы. При этом существование нулевых аффиксов обосновывается не столько внутренними закономерностями существования системы, сколько необходимостью заполнения парадигматических лакун: “Под нулевой суффиксацией понимается нами показательное отсутствие формального знака при наличии четкой соотнесенности с производящей основой в системе родственных суффиксальных образований” [1, с. 102]. Выражаясь иными словами, например, у слова *синхрон* выделяют нулевой суффикс только потому, что материально выраженный суффикс есть в других тождественных, синонимичных или близких по значению данному универбу единицах, например, *синхронный перевод* – *синхрон* и *синхронный перевод* – *синхронка*.

Как известно, система – это объединение определенных элементов в единое и четко расчленённое целое; элементы этого целого по отношению к себе и другим частям занимают соответствующие им места. В. И. Теркулов в связи с этим утверждает, что “если какой-то факт системы противоречит нашему представлению о ней, виновата в этом не она, а именно наше представление. В этом случае нужно хотя бы попытаться поискать другой подход к определению статуса этого “внесистемного” факта в системе” [12, с. 56].

В нашем случае можно предложить другой способ трактовки понятий “аффикс” вообще “нулевой аффикс”, в частности для универбов – реализаций номинатем с доминантой-словосочетанием. Если, вслед за В. И. Теркуловым, мы называем универб вербальной реализацией номинатемы, то есть фактически ее глоссой, а процесс универбации понимаем как процесс, сопряженный не с внешней, а с внутренней мотивированностью, то формирование каждого отдельного универба можно считать формообразованием, а морфему, при помощи которой универб формируется, – формообразующим аффиксом, лишь имитирующим словообразовательный процесс.

Таким образом, являясь абстрактной единицей, морфема существует всегда, воплощаясь в материально выраженных алломорфах. В связи с этим термины “нулевая аффиксация”, “нулевой аффикс (морфема)” нельзя считать убедительными.

В продолжение затронутой темы позволим себе еще одно замечание. Оно касается определения статуса существительных типа *асфальт* (*асфальтовая дорога*), *стационар* (*стационарное отделение*), *синхрон* (*синхронный перевод*), *плацкарт* (*плацкартный вагон*) и т.п. В данном случае вполне оправданным является вопрос о том, что перед нами: результат метонимии или универбации – имитации материально невыраженной аффиксации (суффиксации)? Мы считаем, что существительные типа *стационар* или *асфальт* являются универбами и результатами имитации материально невыраженной суффиксации, поскольку наряду с ними в речи используются словосочетания *стационарное отделение* и *асфальтовая дорога* с тождественными им значениями (ср. также *фотополимер* – *фотополимерная пломба*, *автомат* – *автоматическая коробка передач*, *авторитет* – *авторитетная личность*, *акрил* – *акриловая краска*). У слова же (номинатемы. – Н. Д.), новое значение которого возникло в результате метонимического переноса, нет равноправного по значению и употреблению словосочетания.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам: 1) под универбом нами понимается грамматически тождественное определенному словосочетанию слово, часто стилистически отличающееся от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами разговорности, сленговости, являющееся наряду с ним вариантом одной номинатемы; 2) являясь абстрактной единицей, морфема существует всегда, воплощаясь в материально выраженных

алломорфах; 3) термины “нулевая аффиксация”, “нулевой аффикс (морфема)” нельзя считать убедительными.

Литература

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научн. докл. высш. шк. филол. науки. – 1965. – № 2. – С. 59–68.
2. Десницкая А. В. К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках / А. В. Десницкая // Ученые записки ЛГУ. – Вып. 14. – 1949. – С. 11–16.
3. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // Slavica. – 1958. – Рои. 27. – Сеґ. 3. – S. 349–350.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 688 с.
5. Лопатин В. В. Новое в русском языке советской эпохи / В. В. Лопатин // Рус. яз. в школе. – 1987. – № 5. – С. 74–77.
6. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование / Г. А. Николаев. – Казань: КГУ, 1987. – 224 с.
7. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. – М. : Высш. шк., 1984. – 256 с.
8. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 400 с.
9. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. – М. : Наука, 1973. – 232 с.
10. Теркулов В. И. К вопросу о “нулевой флексии” / В. И. Теркулов // Нариси досліджень у галузі гуманітарних наук в педвузі. – Горлівка : ГДПШМ, 1995. – С. 353–355.
11. Теркулов В. И. Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Г. Шевченка. – Луганськ, 2006. – № 11 (106). – С. 127–136.
12. Теркулов В. И. Слово и номинатема: Опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. – Горловка : ГППИИЯ, 2007. – 240 с.
13. Харченко С. Ю. Реализация активных словообразовательных типов и моделей в лексических новообразованиях начала XXI века / С. Ю. Харченко // Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство. – Волгоград, 2009. – С. 139–158.
14. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М. : МГУ, 1966, 1968. – 312 с.
15. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Индрик, 2001. – 504 с.

Аннотация

Н. В. Дьячок. К вопросу о “нулевой” аффиксации в контексте универбализационных процессов

Статья посвящена решению проблемы “нулевой” аффиксации как лингвального явления. Данная проблема рассмотрена в контексте универбации. Предложен анализ различных точек зрения относительно статуса универбации и универба как ее результативной единицы. Дано определение номинатемы как основной инвариантной единицы языка. Альтернативной представлена точка зрения о некорректности терминов “нулевая аффиксация” и “нулевой аффикс”. Сделаны выводы относительно заявленной проблемы.

Ключевые слова: номинатема, словосочетание, универб, аффикс, аффиксация.

Анотація

Н. В. Дьячок. До питання про “нульову” афіксацію в контексті універбалізаційних процесів

Статтю присвячено вирішенню проблеми “нульової” афіксації як лінгвального явища. Проблема розглянуто в контексті універбації. Запропоновано аналіз різних поглядів щодо статусу універбації та універба як її кінцевого результату. Надано визначення номінатемі як основної інваріантної одиниці мови. Репрезентовано альтернативну думку щодо некоректності термінів “нульова афіксація” і “нульовий афікс”. Зроблено висновки щодо зазначеної проблеми.

Ключові слова: номінатема, словосполучення, універб, афікс, афіксація.

Abstract

N. V. Dyachok. “Zero” Affixation in Univerbation Process

The article deals with the “zero” affixation problem which has been considered in connection with the phenomenon of univerbation as a variety of compressive word formation. Different points of view on the status of univerbation and univerb have been analyzed. The definition of nominatheme as the main invariant unit of the language has been given. Univerb has been defined as a nominatheme verbal realization, that is, in fact, its gloss. Univerbation process is connected with the inner motivation. The formation of each separate univerb has been viewed as morphogenesis; the morpheme which forms univerb has been named a formative affix. The peculiarities of nominatheme of the “word-combination + univerb” type have been studied. The definite status of nominatheme and functional characteristics of its equivalents have been emphasized. It has been stated that the terms “zero” affixation, “zero” affix (morpheme) are not considered to be persuasive.

Key words: *nominatheme, word-combination, univerb, affix, affixation.*